Да — дышим. Да — вместе.
Да — подождать можно.

Утец души

Карина Мирова

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Карина Мирова

Чтец душ

«Автор»
2026

Мирова К.

Чтец душ / К. Мирова — «Автор», 2026

У каждого из нас есть внутренний метроном — такт, по которому мы отсчитываем секунды. Мы верим, что наши границы принадлежат только нам. До тех пор, пока кто-то чужой и холодный не протянет руку из полумрака, чтобы грубо перешить наш ритм под свою мерку.Адриана умеет видеть то, что скрыто от обычных людей, но её дар — это не романтическая сказка, а непробиваемый стеклянный кокон, в который она спряталась от мира. Всё меняется, когда на её пути встает Abt. LIMEN — карательная система древней геометрии, мертвая «матрица», которая переписывает реальность города, превращая людей в послушные ключи.Чтобы спасти тех, кто впервые разрешил ей просто дышать рядом, Адриане придется сделать выбор: остаться в коконе или шагнуть в бездну — в мир Ключников и ювелирных пространственных швов.Защитное стекло встало на место. Пространственная петля открыта. Раз. Раз. Два. Мы начинаем.

© Мирова К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Предисловие автора 5
Глава 1. Психиатрическое отделение 6
Глава 2 9
Конец ознакомительного фрагмента. 10

Карина Мирова
Чтец душ

Предисловие автора

У каждого из нас есть свой внутренний метроном. Простая, рутинная грамота, по которой тело и сознание изо дня в день отсчитывают секунды: шаг по паркету, ровный вдох, щелчок дверного замка, звон ложечки о питчер или глоток горячего чая. Мы привыкли думать, что полностью контролируем этот тактильный, домашний такт. Мы верим, что наши границы принадлежат только нам. До тех пор, пока кто-то чужой, сильный и стерильно-холодный не протянет руку из полумрака, чтобы грубо перешить наш ритм под свою мерку, оставив на месте живой души выжженное клеймо и леденящую пустоту.

Эта книга рождалась долго, собираясь по крупицам из запахов, звуков и тех самых вопросов, которые я однажды задала самой себе. Как выжить и не сойти с ума, если твой собственный дар защищаться превращает тебя в герметичный, непробиваемый стеклянный кокон? Как научиться заново доверять пространству, если изнутри тебя по кругу, каждую секунду выжигает слепая, яростная ненависть к прошлому? И как выглядит выбор, когда ради спасения тех, кто впервые в жизни назвал тебя «своей» и разрешил просто дышать рядом, нужно добровольно повернуться спиной к свету и шагнуть обратно в бездну?

Мир Ключников, старых особняков и Abt. LIMEN — это не романтическая сказка о всесильных магах, которые спасают вселенную по щелчку пальцев. Это история о выживании на грани. О людях, чья сила измеряется не масштабными разрушительными взрывами, а умением держать дистанцию, беречь чужие шрамы и ювелирно латать невидимые пространственные швы спина к спине, когда вокруг трещат стены. Это книга о противостоянии двух систем. С одной стороны — живой, несовершенный человеческий ритм с его сбивчивым смехом, теплыми печеньями и болью потерь. С другой — мертвая, идеальная «матрица» древней геометрии, которую конвейер карательной системы пытается наложить на живой город, превращая людей в батарейки или послушные ключи.

Создавая эту рукопись, я хотела показать, что даже на самом глухом, беззвездном и изломанном дне человеческой ночи всегда остается один упрямый якорь, ради которого стоит оставаться человеком. И что любовь иногда выглядит как ладонь, сжатая на чужом рукаве сквозь плотную ткань куртки, — ровно настолько, чтобы удержать берег и не дать упасть в бездну.

Я приглашаю вас войти в этот Дом. Прислушайтесь к его скрипу, поймайте его запах мяты и воска, почувствуйте, как под вашими пальцами натягивается штукатурка стен, и попробуйте сосчитать этот такт вместе с моими героями. Защитное стекло встало на место. Пространственная петля открыта.

Раз. Раз. Два.

Мы начинаем.

Глава 1. Психиатрическое отделение

Звонок на посту режет воздух ровно в шесть нольноль. Двери щёлкают, как костяшки домино. Медсестра выкатывает тележку с подносами — разноцветные крупинки в пластиковых ячейках. Запах хлорки и дешёвого мыла висит в коридоре, как туман.

— Имя, — не глядя, спрашивает она.

— Адриана, — отвечаю голосом, который уже не кажется моим.

Стаканчики звенят хрупко, как стеклянные птицы. На спинке кровати ктото ногтём процарапал крошечную птичкуключ: вытянутая линия, клюв к скважине. Провожу по ней пальцем и, когда медсестра наклоняется ближе, «надеваю» на ладонь тонкую стеклянную перчатку воображения: внутри вода, а снаружи пустота. Таблетки прячутся под языком, как рыбки в тине. Улыбаюсь и показываю язык глупо, старательно. Она ставит галочку.

Её аура — тёплая, затёртая медь, но в глубине дрожит тонкая трещинкаусталость, как волос под стеклом. Хочется сказать: «поберегите сердце», но я послушно глотаю воду как ледяную иглу и считаю в голове: раз. Два. Три.

А дальше коридор. Он тянется, как узкий кинокадр, и вдруг сжимается до точки.

— Адриана? Я вас искал, пройдёмте.

Голос спокойный, будто мы давно знакомы. Серый костюм, манжета с холодным блеском металла. На запястье на долю секунды вспыхивает символ из тонких линий, точь-в-точь как та птица-ключ. Поднимаю глаза и натыкаюсь на глухую пустоту. Ни меди, ни песка, ни рыбки в банке. Мой дар молчит, как выключенный экран.

Меня ведут на допрос, как ведут к стоматологу: обещают «не больно», а вокруг пахнет мятой и железом. В кабинете белый стол, лампа без абажура, на стене план эвакуации с зелёными стрелками. За столом сидит он. Вблизи он кажется другим: гладкий, без возраста, в ухе прозрачный наушник, который спрятан слишком неумело.

Внутренняя камера в моей голове скользит по стенам: белая плитка, укорачивающийся день в окне, чёрные следы от подошв у плинтуса. Сухой дым намертво впитался в шторы, а антисептик в столешницу.

— Садитесь, — он указывает на стул.

Тот оказывается мягким, почти домашним. Неуместная и пугающая доброта в декорациях стерильности.

Сажусь. Ткань под ладонями быстро теплеет. На столе лежит моя медицинская карточка, её краешек вмят будто папку слишком часто брали в руки. Часы на стене тикают с ленцой, словно им невыносимо скучно.

— Мы поиграем в цвета, — улыбается он. — Выбирайте тот, что ближе.

Он раскладывает квадраты: синий, жёлтый, чёрный, красный. Его пальцы тихо стучат по столу — ровно: раз, два, раз, два. Я вижу не цвета, я вижу его скрытые петли. Чёрный у него не про траур, а про власть. Красный не про любовь, а про тотальный контроль. Мне хочется швырнуть карточки в окно, но я послушно укладываю их в «правильном» порядке. Он ставит галочку в папке со штампом *Abt. LIMEN*. Металл в этом немецком слове поёт ложной, фальшивой нотой.

— Молодец, Адриана, — он произносит моё имя без тени вопроса. — То, что вы описываете как «видение», — всего лишь сбой сенсорной интеграции. Нервная система иногда подбрасывает такие фокусы. Это не «души». Это вроде фантомной боли, только наоборот: фантомное знание. Понимаете?

Его голос мягкий, убаюкивающий, как в рекламе элитных банков. Он не спорит, он просто укрывает мои слова плотным пледом рациональности. Я всматриваюсь в него и всё равно ничего не вижу. Глухая пустота. Моя сакральная синева не открывается. На секунду внутри

что-то надламывается: а вдруг он прав? Вдруг весь мой бескрайний океан — это лишь грязная лужа на асфальте после дождя?

— Скажите, как именно вы видите то, что видите?

— Я… ничего не вижу, — почти не вру. Сейчас, действительно ничего. Слышны лишь отголоски тени, которая скребётся изнутри, как запертый в коробке зверёк.

Он улыбается одними уголками губ.

— Смотрю, хорошо вас тут лечат.

Шаг ближе. Накатывает резкий запах холодного табака и ментола. Его правая рука поднимается, касается виска. Легко, будто поправляет выбившийся локон.

И тут взрывается боль.

Не красная, не горячая — ослепительно-белая. Режущая, как сорвавшийся на высокой ноте визг струны. Звук намертво ввинчивается в череп. Мир по краям полыхает рябью, синева внутри с треском рвётся, превращаясь в чёрную дыру. Не успеваю сделать даже вдох. Рот открывается сам. Я слышу собственный крик, он хлёсткий и чужой.

— Прекрасно, — говорит он кому-то, глядя мимо меня. — Нам нужно изучить этот феномен подробнее.

Пытаюсь обернуться, увидеть, кто там, позади. Бесполезно. Яркий свет смазывается в грязные полосы, будто по мокрому холсту провели широкой кистью. Мягкое кресло уплывает из-под ног. Кабинет стремительно сужается в тёмный туннель.

Я проваливаюсь.

Палата. Больничный свет бьёт в глаза, как нарочно.

— Сука… — вырывается из горла хриплый, надсадный полушёпот.

Я рефлекторно закрываю лицо ладонью. Во рту стоит стойкая, тошнотворная горечь металла и пластика. Под кожей у правого виска пульсирует точка, горячая, словно ожог от сухого льда. Осторожно нащупываю это место пальцами, моя кожа абсолютно цела, но под ней сидит что-то чужеродное. Странное и зудящее ощущение, будто к виску прижали наэлектризованную ткань.

За дверью дышал тот самый ритм: щелчок — пауза — щелчок. Мой метроном. Система дышала ровно, будто ничего не случилось.

Ночь у нас как нотная тетрадь. Пост смеётся в двадцать две тринадцать. Охранник падает носом в журнал в двадцать два двадцать два. Лифт жуёт этажи в 3:41. Техническая дверь возле санпропускника заедает на третьем щелчке. Я собирала эти «ноты» неделю и рисовала в голове карту.

Мне срочно нужно было бежать.

Кира на соседней койке спала, уткнувшись в подушку, как в снег. Я посмотрела на потолок как на карту трещин, где раньше не было выхода. Теперь он был. Он проходил через меня.

Я встала... но ночь пролегла между мыслью и действием глухим туманом, так и не дав сделать первый шаг. Все мои чувства и эмоции сжались до одной маленькой точки.

И снова утро. Снова звонок в шесть ноль-ноль словно лезвие по воздуху. Коридор отвечает серебряным эхом ключей. Плитка на стенах застыла, как стоп-кадр со вчера: ни одного нового пикселя.

Я открываю глаза — свет колет зрачки, будто кто-то насыпал в лампу стеклянной крошки. Под кожей у виска горит крохотная точка, холодный ожог. Во рту стоит вкус железа и дешёвого ментола. Я дышу неглубоко. Системе так удобнее считать. Пытаюсь не выделяться. Больше. С тех пор как первый раз попала сюда.

— Подъём, — медсестра ставит поднос. Стаканчики звенят, как птицы из тонкого стекла.

Белая, розовая, беж. Я кладу таблетки на язык, вода касается нёба, и в этот миг я пытаюсь провалиться в синеву, проверить, жива ли. Но вместо океана лишь снежная рябь старого телевизора. Сердце делает два лишних удара. Я улыбаюсь, показываю язык, всё как положено. Рыбки под ним сегодня не спрятать. Я глотаю. Не герой. Я просто коплю силы.

На соседней койке Кира садится, будто под ней тонет кровать. Под глазами у неё легли синеватые тени, словно кто-то выключает её диммером. Я смотрю, и синева дёргается, как кадр, попавший в зажёванный проём проектора. На секунду я вижу её серый мешочек, а внутри голоса ходят тише, чем вчера. Будто кто-то закрыл боковую дверцу. Сбой. След от его руки отдаётся в виске холодной вспышкой.

Пытаюсь вспомнить детали допроса. Бесполезно. Ноющая боль напоминает о вчерашнем лучше любых выуженных воспоминаний.

Обход проходит по часам: доктор-линейка листает карточку, на его ламинированной душе шуршит страх, и я слышу его, как шёпот бумаги в папке, и тут же снова белый шум, словно чью-то ладонь прижали к динамику. Он спрашивает про сон. Я отвечаю, как в ролике с субтитрами: «Стабильно». Галочка. Улыбка без зубов. Дальше каша, хлеб, чай, который на вкус как кипяток, вспомнивший, что когда-то был листом.

Глава 2

В коридоре новенький. Привезли в «закрытую» на сутки. Санитары шепчут: буйный. Он сидит на кушетке, как собака на цепи, и улыбается. Неестественно белая кожа, острый, птичий излом бровей. Но пугает другое. Смотрю на него, а он смотрит в ответ, прямо в зрачки. Там нет привычной человеческой пустоты. Там плотное, гранёное стекло, за которым угадывается бездонный ледяной колодец.

Тянусь к нему рефлекторно. На парне горит чужая боль, хочется её притушить. Но эта боль не впитывается. Она бьёт обратно высоковольтным разрядом. Из пальцев выскальзывает стакан и разбивается тише, чем должен.

«Зеркальщик». Настоящая редкость. Проклятие для таких, как я.

Уже позже я научусь не касаться их в упор. Их тень не предназначена для человеческих рук. Она выжигает изнутри. Дотла.

∴

Дальше комната для «творчества». Она пахнет дешёвой гуашью, сыростью и старым детским садом. Хлопают тяжёлые двери. Психолог раздаёт чёрный уголь, пачкающий пальцы, как осколки чужих ментальных щитов. Следом по столам летят листы плотной бумаги. Белые, как больничные простыни.

Все рисуют как умеют. Я так, как могу дышать. Хлёстко, до скрипа ломая угольные палочки.

— Дом, дерево, человек, — мягко подсказывает психолог, проходя между рядами. От него несёт мятной жвачкой и казённым оптимизмом.

Я рисую дверь. Кривую. С массивным косяком, у которого явно вырван один винт. Прорабатываю детали: ручка старая и потёртая, чуть липкая от чужих прикосновений. Пальцы чернеют от угольной пыли.

Психолог заглядывает через моё плечо. На его лице дежурная маска умника. Наверняка делает пометку в своём блокноте.

— Видите? — обращается он к санитару у двери. — У пациента явная фиксация на границах и изоляции.

Идиот. У «пациента» фиксация не на границах. У «пациента» в кармане воображения лежит готовый, обточенный до блеска ключ. И эта нарисованная дверь скоро откроется. Только для меня одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.